2017

1 тур
Аналитическое задание
10 класс

Ученикам 10 класса предлагается **письменное задание** аналитического характера. Необходимо **ВЫБРАТЬ** один из двух предложенных текстов: прозу или поэзию. Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**. Ученик сам определяет методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному – пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил. Анализ текста проводится учеником для того, чтобы уточнить, углубить, развить первичное понимание, увидеть произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл, – и на основе этого нового видения и понимания вступить в диалог с автором произведения.

Время выполнения – **не более трёх астрономических часов**. **Максимальный общий балл за задание – 25 баллов**.

Прочитайте стихотворение **Николая Алексеевича Заболоцкого «Завещание»**. Каким видит поэт мир вокруг себя? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

Н.А. Заболоцкий

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда мильоны новых поколений
Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы, –
Пускай мой бедный прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зелёный этот лес.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьёт, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.

Над головой твоей, далёкий правнук мой,
Я в небо пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой.
Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил – томление пустое.
Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.

Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели, –
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потёмок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

1947

Выполните целостный анализ рассказа С. Малицкого «Танька-дурочка», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

– композиционные особенности текста, введение повествователем «чужой» точки зрения на обсуждаемую проблему;

– включение культурно-значимых цитат в речь персонажей;

– соотношение авторской позиции и позиции героев рассказа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С. Малицкий

ТАНЬКА-ДУРОЧКА

Танька была дурочка-фигурочка, косые окна, мокрый нос, ноги спички, красная вязаная шапка, штопаные колготки, перхоть в волосах, пальцы в чернилах, острые коленки. Борька останавливал девчонку в подъезде, растопыривал руки и требовал:

– Танюха, смотри правым глазом на эту ладонь, а левым на эту, я хлопну в ладоши, и фотокарточка наладится.

Танька старательно разводила глаза. Морщила лоб, поднимала брови, натужно сопела. Борька щелкал по затылку, и девчонка, глотая слёзы, стремглав бежала по лестнице, чтобы удостовериться в пыльном зеркале, что всё осталось, как и было. Она верила каждому слову. Иногда кто-то ради смеха говорил, что через десять минут начнутся мультики. Танька летела домой, включала телевизор и пялилась в экран до посинения, невзирая на программу и увещевания матери. Она послушно ходила от одного парня к другому или от одной девчонки к другой и передавала самые глупые и насмешливые поручения. Танька была козой отпущения во дворе. Её бы совсем сжили со свету, но время от времени с балкона раздавался рык бабушки – «Танька, домой!», и истязания прекращались.

Борька был шпана подзаборная, нос картошкой, чирей на локте, синяк под глазом, штаны в зелёнке от травы, рубашка без двух пуговиц, складной ножик в кармане, восемь раз на турнике и велосипед с передним колесом восьмеркой. Он хорошо учился не по усердию, а из-за каких-то таинственных способностей, но всё время съезжал на четвёрки, а то и тройки по рассеянности, забывчивости и хронической отвлекаемости.

– Серёга! – орал Борька конопатому приятелю. – Пошли в лесопосадку!

– Какая лесопосадка? – недовольно таращился в окно Серёга. – Суббота! Дай поспать.

– Ночью надо спать, – не отставал Борька, вытаскивал Серёгу на улицу и вёл сквозь утренний сентябрьский туман ладить шалаш из лапника. Недостроенный шалаш приятели бросали через полчаса, стреляли из рогатки по верещавшей сойке, прибивали между сосен-соседок в виде турника кусок водопроводной трубы и обдирали об него ладони. Потом опять шли к шалашу, играли в карты, жгли маленький костерок, курили дешёвые сигареты, слушали музыку из разбитого магнитофона, пока наконец голод не начинал торопить их в сторону городской окраины.

– Танька – косая! – неожиданно присел Серега и потянул за собой Борьку. – Что она в лесу забыла? Смотри!

Борька послушно опустился на корточки и разглядел вслед за Серёгой среди лесного бурьяна Танькину шапку. Девчонка шла, высоко подняв руки, и негромко попискивала, когда осенняя крапива чиркала жгучими метёлками по лицу.

– Куда она прётся? – удивился Серёга. – Там же овраг, до самой просеки только крапива, папоротник и кусты непролазные. Может пальнуть по ней из рогатки?

– Я те пальну, – пригрозил Борька, считавшийся во дворе покровителем слабых и беззащитных.

– Да я не камнем, – прошипел Серёга. – Бумаги нажую.

– Нажуй, – согласился Борька. – Только сначала я по тебе стрельну. Если понравится, потом и по Таньке.

Подобная перспектива Серёгу не соблазнила, он почесал затылок и предложил проследить за девчонкой. Друзья метнулись к ложбинке и, крадучись, последовали за мелькающей над бурьяном красной шапкой.

– Остановилась, – прошептал Борька, – присела. Поползли!

– Офигел? – возмутился Серёга. – По крапиве? Подождём!

Ждать пришлось недолго. Вскоре шапка двинулась в обратную сторону. Едва она исчезла из вида, как Борька уверенно шагнул вперед. За крапивой обнаружилась полянка. Папоротник густо застилал землю, не давая ходу столпившейся по краям пустырной поросли. Посередине стояла рябинка. Какой-то человечина в прошлом рубанул её шутки ради ножом, срезал верхушку. Три верхних ветви потянулись к обрубку, соединились, переплелись и теперь тремя оголовками поддерживали тёмно-красные рябиновые грозди.

– Смотри, – зашипел Серёга. – Танька-косая ствол ленточками обмотала. Ну и дурилка. Она здесь что, в куклы играет?

– Что ты шепчешь? – спросил Борька, подходя к дереву. – Танька далеко уже. На то она и девчонка, чтобы в куклы играться. Смотри-ка.

Он раздвинул вздрагивающие на ветру ленты, сунул руку в образовавшееся между вершинами углубление и достал свёрнутый в трубку и перевязанный ленточкой блокнотный листок. Потянул за концы, ленточка развязалась, над плечом засопел Серёга и прочел вслух неровные Танькины каракули:

– Привет, лесной принц!

– Ну, привет, Танюха, – с усмешкой ответил Борька.

– Чего это? – не понял Серёга. – Игра, что ль, какая? Что за лесной принц?

– Игра? – усмехнулся Борька. – Секрет это Танькин, похоже. Записка свежая. Да не топчись ты. Видишь пепел? Бумагу она здесь жгла.

– Ответ, что ли, жгла? – не понял Серёга.

– Какой ответ? – приготовился поднять на смех бестолкового приятеля Борька, но замер. – Будет ей ответ, Серёга. От лесного принца.

Маринка, которая была старше брата на три года, а, судя по Серёгиным повадкам и физиономии, на все шесть, тупо смотрела на принесённые мальчишками из лесу листья осины, ольхи и клена и не могла понять, чего от неё хотят.

– Что вам написать? Чтобы красиво и на листьях? Зачем? Что за бред?

Пришлось объяснить. Маринка несколько раз перевела взгляд с Серёги на Борьку и обратно, затем пожала плечами и каллиграфическим почерком вывела на жёлтом листе зелёной ручкой требуемые слова. «Привет, Таня! Чего ты хочешь?» Потом отдала лист Борьке, ещё раз оглядела приятелей и пообещала оторвать братцу голову, если они Танюшку обидеть вздумают или насмехаться над ней станут.

– Пора бы уж перестать в куколки играться, – крикнула вслед и вновь углубилась в учебники.

Борька перевязал свёрнутый листок жёлтой травиной и поместил на то самое место, где они взяли записку. Субботний вечер друзья провели в радостном возбуждении, а в воскресенье ближе к обеду подкараулили Таньку, возвращающуюся из леса. Она шла, не разбирая дороги, спотыкаясь на луговых кочках, словно ничего не видела перед собой.

– Привет, Танька! – бодро окликнул её Борька.

Девчонка против обыкновения не подбежала, не вытянулась по стойке смирно, ожидая наставлений и указаний, а прошла мимо, прошелестев с улыбкой:

– Привет, Борька.

– Привет, Борька, – повторил, ухмыляясь, Серёга. – Чего застыл? Пошли, посмотрим, чего она там понаписала.

Минут через десять приятели уже читали Танюхины строчки.

«Спасибо тебе, лесной принц, что ответил, – писала девчонка. – Если ты и вправду готов помочь, то у меня есть только три желания. Первое, чтобы меня не обижали во дворе. Второе, чтобы я не косила. Третье, чтобы Борька Силаев сам без принуждения меня полюбил. А если только одно можно, то оставляю желание про Борьку».

– Влюбилась, – брякнул Серега и с опаской посмотрел на насупившегося друга. – Или свихнулась. Окончательно. И что теперь делать?

– Ответ писать, – с досадой бросил Борька. – Такой ответ, чтобы она все эти бредни из головы выбросила. А насчёт этих её желаний, Серёга, чтоб никому, а не то раздружу напрочь!

Сначала Маринка в продолжении игры участвовать категорически отказалась. Затем Серёга своим нытьем её уломал. Да и Борька весомо добавил, что игра эта и ему не нравится, но выходить из неё тоже по правилам надо.

– Надо Таньке такое условие поставить, – объяснил он Маринке, – чтобы она сразу поняла, что всё это бред и сказки. Например, всё сбудется, когда её рябина превратится в тополь.

– В клён, – поправила Маринка.

– Почему? – не понял Борька.

– Букв меньше! – фыркнула Маринка. – Записку прошлую мы на кленовом листе писали?

– И для того, чтобы рябина в клён превратилась, надо каждый день поливать её стаканом кипячёной воды, смешанной с каплей крови! – зловещим голосом добавил Серёга и торопливо объяснил. – Это чтобы страшнее было!

– И чтобы она записок больше не писала никаких и ответов не ждала, – поморщился на предложение Серёги Борька, подумал и добавил. – И про кровь пусть будет. Не круглая же она дура, чтобы поверить.

Но Танька оказалась круглой дурой. Весь сентябрь, в дождь ли, в холод она стоически отправлялась в лес, согревая в кармане куртки баночку с кипячёной водой. По двору девчонка теперь передвигалась с высоко поднятой головой, на насмешки и выкрики не реагировала, отвечая таинственной улыбкой. Борьке даже казалось, что глаза у неё меньше косить стали, раздвигаться начали в стороны от чуть вздёрнутого носа. 'Ну и пусть себе ходит, – подумал про себя, – кому от этого хуже?'

Серега – сучий потрох, подай-принеси, дырка на коленке, Маринкина куртка, убеждённый троечник, любитель поспать и сладкого, сначала делаю, потом думаю, и то не всегда, совсем исстрадался. Его так и подмывало растрепать на весь двор, какая же глупая эта сумасшедшая нелепая девчонка со светлыми кудряшками и длинными тонкими ногами. У него живот схватывало от невысказанного, так хотелось проболтаться. Только молчаливое, но внушительное присутствие Борьки сдерживало язык. Поэтому, когда сестра зажала его в прихожей и, тряхнув за шиворот, потребовала, чтобы они с Борькой срочно прекратили издеваться над девчонкой, а не то она отцу всё расскажет, Серёга даже обрадовался.

– Кто ж над ней издевается? – возмутился он. – Да её уже месяц как пальцем никто не трогает! Она королевой по двору ходит.

– Ты Борьке своему, принцу лесному, передай, – не успокаивалась Маринка, – пусть он посмотрит, что с руками у его принцессы! Пусть посмотрит и задумается хорошенько.

Борька поймал Таньку в воскресенье у детской площадки. Она шла из леса, сбивала резиновыми сапожками первую октябрьскую изморозь, что-то насвистывала и,

столкнувшись с ним, осветилась безмятежной улыбкой. Правый глаз её смотрел прямо на Борьку, а левый был смещён к носу, но на самую малость. На миллиметрик. «У неё глаза зелёные», – неожиданно подумал Борька, удивившись, что ему уже не нужно гадать, каким глазом она на него смотрит, правым или левым.

– Руки показывай, – потребовал Борька.

Танька послушно достала из карманов руки, и Борька похолодел. Пальцы и ладони девчонки были покрыты ранками и ссадинами. Заживающими и воспалёнными. Вымазанными зелёнкой и заклеенными пластырем.

– Чем ты это? – прошептал Борька.

– Иголкой или бритвочкой, – вздохнула Танька. – Но ты не думай, мне совсем-совсем не больно.

– Ты это, – Борька почувствовал, как холодок пробежал по спине, совсем как летом в пионерлагере, когда зажали у беседки деревенские ребята, и он точно понимал, что будут бить и ни убежать, ни спастись уже не удастся. – Ты это. Танька. Переставай. Не надо туда ходить. Это всё обман. Нет никакого лесного принца. Не смей. Слышишь? Не смей резать пальцы. Слышишь? Это я всё придумал. Нет там ничего. Поняла?

– Поняла, – с улыбкой кивнула Танька и, не стирая её с лица, спросила. – Боря. Я стихи очень люблю. Ты будешь для меня стихи сочинять?

Вечером Борька позвонил в Серёгину дверь и сказал, хмуро переминаясь с ноги на ногу:

– Все. Видишь топор? Нет больше никакой рябины. Срубил я её. Без остатка вырубил. В овраг за крапиву выбросил, корни выдрал, дёрном всё закрыл и листьями засыпал. Нет там ничего. Дура она сумасшедшая. Завтра после школы в лес пойдёт и очнётся. Но только ты, Серёга, помни. Ничего не было, и ты ничего не знаешь. Понял?

Серега растерянно закивал головой и резко захлопнул дверь. Борька вздохнул, высморкался, вытер лицо рукавом и пошёл домой.

На следующий день он прибежал из школы пораньше, бросил дома сумку и, не переодеваясь, отправился на детскую площадку. С трудом втиснувшись в сиденье маленькой карусели, начал раскручивать её так, что их окраинная девятиэтажка, обёрнутые фольгой уродливые трубы теплоцентрали, качели, чахлые тополя, октябрьская пестрота лесопосадки слились в холодный разноцветный шарф. Пока на этом шарфе не мелькнула стройная фигура Таньки. Она шла в лес. Дурочка-фигурочка, тонкие ноги, красная шапка, хлопающие сапоги, светлые кудряшки, любительница стихов, обладательница зелёных глаз и бессмысленной улыбки.

– Что делать будешь? – буркнул, подходя, Серега.

– Ничего, – ответил, поеживаясь, Борька. – Валидол у бабки стащил, мало ли что.

– Идти тебе надо, – нахмурился Серега.

– Куда? – удивился Борька.

– В лес.

– Это ещё зачем? – не понял Борька, выбираясь из карусели. – Кстати. Ты чего в школе не был?

– В лес тебе надо идти, – упрямо повторил Серёга. – Мы с утра с отцом в лесу были. Клён посадили на месте рябины, что ты срубил. Иди за Танькой, мало ли что.

– Ты сдурел что ли? – заорал Борька. – Клён они посадили! Кто вас просил? На кой мне эта идиотка нужна? Вот ты с отцом и иди в лес! Сопли ей вытирать!

– Козёл ты! – вдруг завизжал Серёга и бросился на приятеля, мазнул ему вскользь маленьким грязным кулаком по скуле, обхватил рукой за шею, но тут же получил пинок в живот, скорчился, упал на траву, хватая ртом воздух.

– А идите вы все... – грязно выругался Борька и пошёл к дому.

2004

Вопросы. Определите жанр произведения. Обоснуйте свой выбор. Определите тему произведения.

Какое настроение вызывает у вас произведение? Какие размышления навевает? Какие ассоциации рождает? В чём особенность композиции произведения? Какова роль диалога?

Проанализируйте языковые средства, которые использовал Малицкий. Много ли их? Разнообразны ли они? О чём это говорит?

Каково авторское отношение к изображаемому? Что можно сказать о масштабности авторского взгляда?